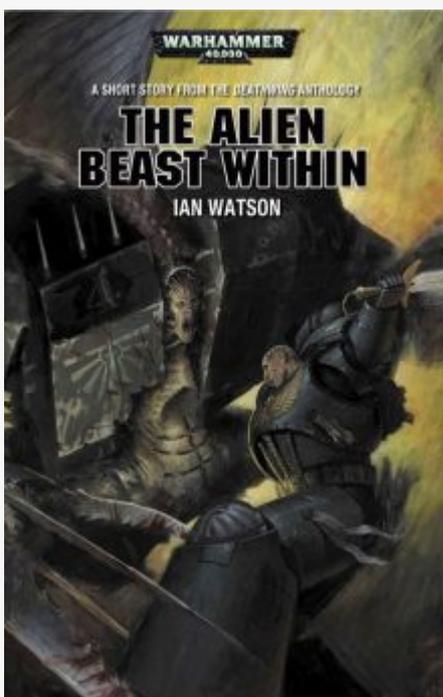

Чужой зверь внутри / The Alien Beast Within (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Чужой зверь внутри / The Alien Beast Within (рассказ)

Автор	Йен Уотсон / Ian Watson
Переводчик	Cypher
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Крыло Смерти / Deathwing
Год издания	1990
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI

Поддержать проект

Огромное тренировочное колесо еще раз ускорилося, в то время как МеЛинди мчалась заключенная внутри него. Машина возвышалась на две сотни метров под ребристым сводом крыши. Лучи кроваво-красного, синюшного и ядовито-зеленого цветов падали через ажурные окна, которые в свою очередь крутились, будто в калейдоскопе. Цепи из латунных амулетов, болтающиеся на вращающихся спицах колеса оглушительно лязгали и звенели во время движения, словно бесноватые колокола.

В других помещениях храма Каллидус начинающие ассасины разбивали брусья из пластами высокими ударами ног, или же ломали собственные пяточные и плюсневые кости. Травма не являлась оправданием для прекращения тренировки – теперь им приходилось преодолевать боль. Другие выворачивали собственные конечности напряжением мышц, чтобы освободиться из оков перед тем, как ползти по узким изогнутым трубам. Насос откачивал кровь из двух юношей перед рукопашной схваткой, и еще из одного перед тем, как он попытается преодолеть коридор полный вращающихся клинков. Покрытые шрамами опытные инструкторы надзирали за тренировкой, всегда готовые служить доказательством сомневающимся.

Ритмические тренажеры издавали пронзительные звуки, ревели и вращались, чтобы дезориентировать тренирующихся.

МеЛинди бежала на протяжении получаса, пытаясь догнать другого ассасина, который бежал вертикально над ней, сверху вниз, на нем был экспериментальный пояс обратной гравитации.

Она бежала, погрузившись в транс, представляя, будто можно достичь настолько просветленного состояния разума, что она будет способна нечеловечески ускориться и сделать мертвую петлю, оглушив при этом на ходу свою цель.

Чтобы она не собиралась предпринять для совершения такого рывка, колесо ускорилось и помешало этому. Внезапно колесо остановилось, с оглушительным лязгом сцепившихся зубьев и скрежетом шестерней. МеЛинди безжалостно швырнуло вперед. Хотя это было абсолютно неожиданно, она была настороже, согнулась дугой и перекатилась.

Разогнувшись, она сделала кувырок назад и развернулась кругом. Колесо уже начало двигаться в противоположном направлении, набирая скорость. Высоко наверху кувыркалась ее цель. Она рванула вперед, заставляя свои босые ноги и полностью новый момент инерции, удерживать ее от падения на гигантский изогнутый трек.

Тут провыла сирена, обозначающая конец ее тренировки – именно в тот момент, когда она возмечтала о небольшом шансе на успех в практически невыполнимом задании.

- Руководитель секундус приглашает вас на встречу в течение часа, – сообщил ей наставник "колеса". Лысый старик, один глаз которого заменяла ярко-красная линза, воздержался от замечаний по поводу результатов ее тренировки. МеЛинди, опытная выпускница Коллегии Ассасинорум, обязана быть способна поставить оценить себя самостоятельно. Иначе она была бы хуже, чем любой новичок.

- Приглашает? – уточнила она. Руководитель секундус был не больше не меньше заместителем главного руководителя храма ассасинов Каллидус. Разве такое высокое должностное лицо приглашает?

В небольшом помещении баптистерия, увенчанного куполом, МеЛинди стянула с себя облегающую черную тунику. Вибрация гиперзвука удаляла с нее пот и грязь, а в это время она рассматривала свое тело в высоком зеркале, рамой которому служили латунные переплетенные кости. Она позволила себе излишнюю долю восхищения для простой оценки физического сложения. Ведь ее тренировали как породистую куртизанку и как хитрую неуловимую убийцу. Куртизанка – даже такая, что по большей части притворяется дарительницей удовольствий – должна осознавать свою чувственность.

Высокая, длинноногая МеЛинди обладала сильными бицепсами, а также развитыми мышцами ног, хотя высокая фигура скрадывала впечатление силы. Шрамы скрывали загадочные татуировки. Огромный

косматый паук охватил ее талию. Обнажив клыки, ползла по ноге змея. Похожие на скарабеев насекомые топтались на аккуратных полушариях груди. Ее грудь, которую ни одна тренировка не могла превратить в оружие, была небольшой и не обвисла, она была приятно-упругой – нежные конусы, увенчанные жуками. Ее угольно-черные волосы были коротко острижены, чтобы никто не смог схватить за них. В роли куртизанки она могла надевать (или не надевать) роскошный парик. Лицо цвета слоновой кости было странным, неустойчивым в памяти. Но усилением мышц она могла сделать свои черты лицом феи, или с той же легкостью – лицом ведьмы.

Руководитель секундус не вызвал ее. Он ее пригласил...

Она пробовала это слово, так языком ощупывают полный зуб, залитый каталепсином для парализующего плевок в глаз жертвы.

Немыслимо, чтобы секундус желал использовать такой чудесный инструмент – МеЛинди – который Коллегия сотворила из плоти дикого мира, ради удовлетворения своего сладострастия. Это было бы святотатством. Если бы МеЛинди не была убийцей в облике куртизанки, эта мысль вряд ли вообще пришла бы ей в голову.

Приглашение. Это слово наводило на мысль о протоколе Морс Волюнтария, дозволение совершить показательное самоубийство, которое в некоторых случаях давалось ассасину потерпевшему неудачу, но неудачу почетную. Или тому, чье самоубийство устраняло основного свидетеля ошибки подразделения Оффицио Ассасинорум.

МеЛинди знала, что у нее не было провалов в работе.

Озадаченная, она покрыла ступни освященным камфорным маслом, чресла ладаном, а темя розмарином, затем сотворила молитву Императору, прежде чем облачиться в тунику.

На встрече с Тариком Зизом, секундусом, МеЛинди села в позу двойного лотоса, лицом к нему. Она склонила голову. Поза лотоса, сцепившая ее ноги и взгляд, устремленный в никуда, были символами почтения к вышестоящему в его личном кабинете. Таким образом, она показывала, что ограничивает себя от любой попытки убийства. На самом деле она могла выпрямиться и броситься вперед в одно мгновение – также тренированному ассасину не требовалось смотреть на цель. Тихий вздох человеческих легких, запах, движение воздуха в комнате выдали ей местонахождение Зиза.

Но подобная предательская, немотивированная атака в любом случае вела к неудаче. По общему мнению у Тарика Зиза был дан омега.

Секундус, облаченный в черную мантию, опустился на колени на обитом парчой возвышении, которая также была его спартанским ложем, лицом к терминалу данных, выполненному в древнем барочном стиле. Его длинные пальцы, украшенные перстнями, изредка пробегались по клавишам, одна часть его сознания была занята другими проблемами. Тома, обтянутые кожей, и кубы данных громоздились у одной из стен до самого крестообразного свода потолка.

Коллекция из тысяч крошечных, отполированных архаичных ножей, многие из которых были размером с ноготь, украшали другую стену, будто мириады оторванных у металлических бабочек крыльев, разбивая свет электро-факела на ртутные отблески.

- Ты можешь посмотреть на меня, МеЛинди.

Зиз был смуглым, невысоким и плотным – почти гном, за исключением его длинных пальцев. Многочисленные испещренные рунами кольца, которые он носил, без сомнения скрывали экзотические галлюциногены и парализующие яды, несмотря на то, что секундус уже не участвовал в оперативной работе. Его искусственные зубы – все являлись клыками и были окрашены, чередуясь, в черный и ярко-алый цвета.

- Ты одна из наших лучших хамелеонов, – мягко сказал ей Зиз.

МеЛинди кивнула, ибо это было очевидной истиной. Инъекция изменяющего форму средства, полиморфина, позволяла любому тренированному ассасину ее храма изменять свою внешность усилием мысли. Это было специализацией храма Каллидус, основным принципом которого была хитрость – так же как храм Виндикар специализировался на возмездии, а Эверсор на неудержимых атаках.

Под действием полиморфина плоть текла, как расплавленный пластик. Кости становились мягче, меняли форму и снова затвердевали. Изменяя рост, фигуру, черты лица, МеЛинди часто выдавала себя за других женщин – прекрасных и отвратительных, дворянок и простолюдинок. Она превращалась в мужчин. Один раз она превратилась в высокого, хищно-красивого чужого из расы эльдар.

Всегда смыслом являлось искоренение того, чья деятельность подвергала опасности Империум; целью было физическое уничтожение врага или – гораздо реже – психологическое...

Тем не менее, полиморфин не являлся чудесным эликсиром сам по себе. Изменение формы требовало глубокого, практически мучительного сопереживания тому, кого необходимо было скопировать, убить и заместить. Для подобного трюка нужна эмпатия – тесное отождествление с целью – и внутренняя дисциплина.

Введи полиморфин непосвященному, и получишь протоплазменный хаос тела, агонизирующую анархию плоти, костей и органов, смешение и распад, завершающийся милосердной смертью.

МеЛинди была отличным, дисциплинированным хамелеоном, в точности как сказал секундус. Хотя она и не была псайкером, но в клетках тела и мозга, несомненно, было нечто позволяющее ей подражать внешности и манерам незнакомцев – изменяя себя – а полиморфин позволял ей реализовать это в полной мере.

Она могла бы стать актрисой, родившись на цивилизованной планете. В ее родном диком мире она могла бы стать жрицей какого-нибудь культа изменчивости. Волей-неволей ее ребенком забрали из варварского племени, и теперь, как ассасин Каллидус, она могла стать практически любым незнакомцем, если ей это требовалось.

Зиз наклонился вперед.

- Благодаря твоему таланту, наш храм приглашает тебя участвовать в эпохальном эксперименте.

- Я лишь инструмент, – ответила она, – на службе нашего храма.

Ее ответ был покорным и наполненный осознанием долга, с легкой тенью настороженности, чего и нужно было ожидать от воспитанника Каллидус.

- Ты мыслящий инструмент, дочь моя. Мудрый. Твой разум должен идеально гармонировать с изменениями, которым ты подвергнешься, иначе результат может быть фатальным.

- Каким изменениям, секундус?

Когда Зиз сообщил ей, МеЛинди выдохнула, будто похожий на гнома наставник дана омега ударил ногой в ее покрытый мышцами живот.

Покинув его кабинет, она торопливо шла по лабиринтам темных коридоров, где любой, кроме посвященного, быстро и безнадежно потерялся. Достигнув гимнастического зала, она попросила наставника колеса прогнать из тренажера новичка и впустить ее. Внимательно посмотрев на нее, старик, кажется, проникся ее необходимостью.

Вскоре МеЛинди бежала, бежала, будто хотела убежать прочь от храма, к самим звездам, куда-нибудь, где она сможет полностью потерять себя и никогда не найти.

Она мчалась, будто худший кошмар в мире преследовал ее. Она изгнала из своих чувств боль от пережитого потрясения без непокорства и побега куда глаза глядят. Наконец, спустя, казалось, часы, на грани такого истощения, какого МеЛинди никогда не испытывала, она достигла определенного смирения со своей судьбой.

Также внезапно, как тренировочное колесо ранее, колесо ее судьбы ошеломляюще изменило направление вращения. Исходя из связывающей ее с храмом верности, из священных и страшных клятв, учитывая, что Коллегия Ассасинорум сотворила ее такой, какая она есть, она обязана была согласиться.

Ее пригласили, но отказ был немислим.

Единственной альтернативой участию в задании, которое гарантированно уничтожит ее, после того как она истребит множество врагов – было показательное самоубийство.

МеЛинди была ассасином Каллидус, не Эверсор. До настоящего времени у нее не было склонности к суициду. И после очищающего от страстей бега в колесе, эта альтернатива не беспокоила ее более. Даже если храм, в лице Тарика Зиза, которому невозможно отказать, казалось, принуждает к тому, чтобы уничтожить ее дар. Да, искалечить его. В ходе эпохального эксперимента.

Когда лазерные скальпели нависли над ее нагим, парализованным телом, МеЛинди вопросительно уставилась на старшего хирурга, одеяние которого было украшено символами чистоты и охранительными заклинаниями.

Она могла немного двигать глазами. В ее поле зрения так же попал закутанный в мантию, татуированный адепт-рентгенолог, обвитый проводами и помещенный внутрь сканирующего аппарата, окаймленного медью. Аппарат возвышался вдоль операционного стола, будто хищный армадилл, изучая внутренние ткани ее тела несколькими хоботами. Глаза-линзы вывели друг за другом четыре небольших голограммы ее тела в воздух.

Одна из голограмм представляла ее тело освеженным, все мышцы были выставлены напоказ. Другая показывала реки, притоки и ручьи ее сердечно-сосудистой системы. Третья вычленяла ее нервную систему. Четвертая представляла ее голый скелет. Эти гомункулы медленно вращались, будто плавали в невидимых бочках, демонстрируя себя ей и хирургу.

Долговязый адепт анестезиолог сидел в конструкции, напоминающей огромного паука, и наблюдал за дозами метакураре, который парализовал ее и вызвал онемение. Антенны машины были воткнуты в нее,

она ничего не чувствовала, но была в сознании – так как ее разум должен был осознавать процедуру, которой она должна была подвергнуться. Старый, покрытый бородавками и похожий на карлика медик опустился на колени на резиновой подкладке, чтобы шептать ей на ухо. МеЛинди могла его слышать, но не видеть; не могла она видеть и других адептов в операционной, которые присматривали за имплантатами и дополнительными железами, ожидающими в стазисных посудинах.

МеЛинди ничего не чувствовала. Ни зажима, сковавшего рот, ни серебряного патрубка отсасывающего оттуда слюну, ни гофрированного операционного стола под ней, с канавками для стока крови или других жидкостей. Не в состоянии шевелить головой, но способная немного вращать глазами, она могла видеть очень немного. И слышать бормотания бородавчатого карлика.

- Сначала мы разрежем твои плечи и руки. Позднее мы, разумеется, с тщанием воссоздадим твои татуировки...

Она услышала, как приближается лазерный скальпель, жужжащий, словно назойливая муха. Операция началась.

Ассасин мог заблокировать сильную боль, мог почти целиком отрешиться от вопящего болевого центра в мозгу. Это то, чему учили ассасина. Это было прошито в мозге. Как иначе она смогла бы выполнить задание, будучи раненной. Как иначе она могла бы, не отвлекаясь, сконцентрировать свою эмпатию во время изменения полиморфина. Тем не менее, при сильном рассечении как в этой операции, некоторые мышцы могли сжиматься в непроизвольных спазмах, мешая ювелирной работе хирурга. Поэтому ей сделали наркоз, но оставили в сознании.

Она слышала слова гнома. Но в ее сердце – в раненном сердце МеЛинди – все еще звучал рассказ Тарика Зиза о том, как ее осквернят.

- Адепты Каллидус способны превращаться в самых разных людей. Кто может сделать это лучше чем ты, МеЛинди? Ты даже изобразила гуманоида эльдар, достаточно хорошо для того, чтобы в это поверили люди.

- И для того, чтобы на какое-то время в это поверили эльдары, секундус, – напомнила она осторожно.

Зиз кивнул.

- Тем не менее, мы не можем превращаться в других чужих, которых нам хотелось бы скопировать. Мы ограничены доступными конечностями, костями, плотью... Что ты знаешь о генокрадах, МеЛинди?

В тот момент МеЛинди испытала жуткую обессиливающую глухую муку, будто из нее разом вынули внутренности. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы опознать незнакомое чувство.

Этим чувством был ужас.

Ей казалось, что она давно уже не могла ощущать такой ужас, он был вырван из нее с корнем во время обучения.

- Что ты знаешь? – повторил он.

- У генокрадов четыре руки, – механически ответила она. – Две из них оканчиваются кистями, еще две несут когти, которые могут рвать пласталь будто ткань. Голова луковицеобразная, длинная, имеются

клыки. Их роговой позвоночник заставляет их все время передвигаться ползком. У них имеется бронированный панцирь и мощный хвост...

Но не это создание повергло ее в ужас. О нет. Ее ужаснул подтекст вопроса Зиза.

- Полиморфин никогда не превратит нас в одного из них, секундус.

- Один только полиморфин - нет, МеЛинди.

Под бормотание комментирующего медика, прерываемое почтительными молитвами Императору - которым вторил главный хирург - она искоса смотрела на то, как рассекают голограмму ее тела, осознавая, что то же самое происходит с нею самой. Внутри нее поместили крохотные генераторы стазиса, чтобы остановить сильное кровотечение.

Она была пойманным зайцем, которого распяли на доске мясника.

- Мы используем имплантаты, - продолжил Зиз. - Вживим в твоё тело прессованную пластиплоть, усиленную карбоновым волокном. Также мы используем гибкий хрящ, который может становиться твердым словно рог. В покое - в сложенном состоянии - эти имплантаты будут незаметно таиться в твоём теле. Но они будут помнить чудовищную силу и мощь, заложенную в их структуру. При активации, когда полиморфин размягчит твою плоть и кости, эти имплантаты увеличатся до своего полного боевого размера.

Мозаика из крохотных сияющих ножей на стене казалось, воспарила, чтобы наброситься на МеЛинди и освежевать ее.

- Мы вложим в тебя дополнительные железы, для того чтобы хранить и производить гормон скорости, гормон роста - соматотрофин, и железы, чтобы обращать этот процесс...

- Но, - отчаявшись, пробормотала она, - мне ведь все равно не стать настоящим генокрадом?

- На данном этапе, этого и не требуется. Ты сможешь превратиться в убедительную гибридную форму генокрада. Гибрид обладает только одной парой рук, у него нет хвоста... он больше похож на человека - хотя уже достаточно извращен, достаточно уродлив, чтобы убедить тех, в чьи ряды ты должна будешь внедриться. Если этот эксперимент пройдет успешно, как мы надеемся, впоследствии мы попытаемся имплантировать вторую пару конечностей.

- В меня?

Ее голос задрожал?

Зиз покачал головой.

- В другого добровольца. Ты будешь связана с гибридной формой и сможешь превращаться или в нее, или в свой обычный облик.

Ужас МеЛинди нарастал. То, что предлагал Зиз, не могло быть просто экспериментом. Таким, который проводят из любопытства. МеЛинди облизала губы.

- Я так понимаю, секундус, существует какое-то специфическое задание?

Зиз тонко улыбнулся и рассказал ей.

МеЛинди это задание показалось ширмой, испытанием на то, сможет ли она выдержать изменение и выжить.

Хотя, разумеется, она не могла судить о важности задания. Искусство ассасина - это умение нанести смертельный удар в одну уязвимую точку общества, точку, которая не всегда выглядит центральной, но которую ее старшие считают таковой. Часто цель была заметной - коррумпированный губернатор планеты, нелояльный чиновник высокого ранга. Тем не менее, иногда убрав небольшой булыжник можно обрушить лавину. Ассасин Каллидус не мясник, а ловкий хирург.

Хирургия...

- Ты одна из наших самых приспособляющихся хамелеонов, МеЛинди. Конечно, наш эксперимент пройдет успешнее, если ты примешь в нем участие. Это может дать потрясающие результаты. Превращения в тиранидов, тау, лакримолей, круутов. Как иначе мы вообще можем внедриться к этим чужим расам, если возникнет необходимость.

- Вы оказываете честь вашей слуге, - пробормотала она. - Вы сказали, что я... буду привязана к....

- В дальнейшем, используя полиморфин, ты, к сожалению, сможешь превращаться только в гибридную форму генокрада, ни в какую другую.

Это было тем, чего она так боялась. Она потеряет все свои возможности для перевоплощения. Ее лишат дара, которым она гордилась, который - в ее сердце - делал ее МеЛинди.

Было ли это странным, что ее выдающаяся способность подражать другим, усиливала веру в себя? Нет, это не было странным... Потому что МеЛинди ребенком забрали из дома, из племени, забрали прочь от языка и традиций. После первоначального упорства - она настаивала на своем королевском происхождении - она уступила и затем нашла надежную опору своему Я в изменчивости.

- Я также прошла обучение как куртизанка, секундус, - скромно напомнила она Зизу.

Быстрая горькая гримаса исказила губы смуглого невысокого дана омега.

- Твоя красота позволяет тебе быть именно ею. Мы должны быть готовы унять свои амбиции, если это нужно храму и Империи. Честолюбие тщетно в этом мире смерти.

Пожертвовал ли Тарик Зиз своими амбициями, когда шел к должности руководителя секундус? Зиз может стать главным руководителем храма Каллидус, и в дальнейшем возможно грандмастером ассасинов, Верховным Лордом Терры.

Если этот эксперимент пройдет успешно, это сыграет большую роль в его личном карьерном росте...

- Я лишь только инструмент, - глухим эхом ответила МеЛинди.

Поэтому она устремилась к тренировочному колесу, бежать до тех пор пока она не станет полностью опустошенной, опустошенной настолько, чтобы согласиться.

Хирургическая операция длилась уже три кропотливых, наполненных молитвами, часа. Шепчущий голос покрытого бородавками карлика стал хриплым. Подкожный слой сжатой, усиленной "умной" пластиплоти разместили в руках, ногах и туловище МеЛинди. Эта псевдоплоть была "умной" в следующих аспектах. Она отпускала нейронные волокна внутрь ее тела, сливаясь с ней на физиологическом уровне. В этом смысле она была родственна черному панцирю, который вживляют каждому Космическому Десантнику в качестве завершающего этапа процесса превращения в сверхчеловека. Также искусственная плоть помнила нечестивые формы, которые в нее заложили, и она всегда будет препятствовать любым непокорным попыткам МеЛинди принять какую-либо иную форму.

Это было подобно карте, вышитой на мягкой ткани, которая при определенном стимуле увеличивается, пружинной разворачиваясь в жесткую форму, из контурных линий возникнут монструозные горы.

Адепты Каллидус, занимающиеся анатомическими экспериментами, были весьма изобретательными.

Схожим образом клинки из гибкого хряща поместили внутрь пальцев ее рук и ногтей на пальцах ног, обернув вокруг ее фаланг, плюсневых и пястных костей. Так же короткие гребни из гибкого хряща имплантировали в ее позвоночник, берцовые кости, бедра... и в прочие места.

На призрачной голограмме, висящей над операционным столом, ее новые железы светились, будто самородки в верхней части груди, наподобие второго набора сосков обращенных внутрь.

О, ее оперировали тщательно и истово.

И теперь наступала кульминация, лазерные скальпели качнулись к ее открытому лицу. Инструменты начали свой танец вокруг глаз, носа, открытого зажимами рта, черепа.

- Мы иссекаем слизистую твоего носа, чтобы отделить ее от перегородки и вставить туда шипы из гибкого хряща, дабы получилось рыло генокрада... - хрипло бормотал медик.

И это происходило с ней.

- Мы высверливаем передние зубы, чтобы заменить корни заготовками клыков...

И это тоже происходило с ней.

- Мы отделяем уздечку языка, для большей гибкости этого органа. Мы проводим частичную ампутацию языка - близко к его нижней части, там где розово-красное яблочко - чтобы вставить подобие языка генокрада.

И это тоже происходило с ней, искоса наблюдающей за вращающимися стрелками серебряных прецизионных инструментов, в то время как булькающая трубка отсасывала искрошенную и измельченную плоть.

- Сейчас: мы надрезаем скальп, чтобы трепанировать череп. Мы производим фронтальную краниотомию, чтобы участки черепа раздвигались легче, приобретая профиль генокрада...

Да, именно этот профиль - и никакой другой!

Ни зловеще-изящного силуэта эльдар.

Ни красотки, ни ведьмы.

Никого, кроме этой единственной чудовищной формы.

И это происходило с ней.

Когда лазерные скальпели скользнули к ее лицу, она закричала в душе. Обжигающий гнев вскипел в ее сердце. Обида, злоба, горечь смешались в разъедающий коктейль в ее животе. Ее дух пронзительно кричал.

Тем не менее, она лежала молча, словно камень.

Она лежала словно безмолвная мраморная женщина, которую безжалостные скульпторы превращали в нечестивый идол.

Да, безмолвная как сама пустота, которая отверзлась в ее истерзанной душе, поглощая ее крик, высасывая его, так же как серебряная трубка высасывала куски ее плоти.

И в этом жутком молчании часть МеЛинди все еще слушала объяснения медика; потому что она должна понять.

Одна, одна, теперь еще в большем одиночестве МеЛинди шла к огромному изъеденному эрозией храму, построенному из песчаника, под небом цвета меди, озаренного воспаленным светом огромного красного солнца. Ужасающее светило закрывало четверть неба. Тем не менее, воздух был прохладным, так как подобные звезды испускают скудное тепло.

Храмовый комплекс возвышался в конце пыльного проспекта, вдоль которого расположились сводчатые галереи, из глины, покрытой глазурью, с внутренними двориками, увенчанными куполами. Галереи кишели торговцами, которые продавали жаренные птичьи ножки, фаршированных крыс и горячее вино со специями, голограммы этого святого города Шандабара, якобы фрагменты реликвий заключенные в хрусталь, и изображения реликвий. Лоджии были наводнены нищими, фокусниками и калеками, гадалками, закутанными в робы и праздными туристами.

Храмовые торговцы, некоторые из которых были удалившимися от дел священниками, продавали иконы, по их уверениям они были освящены как Имперские, а тем, кто проходил простое испытание, засунув руку внутрь гудящего гексаэдра, предлагали так называемые кисточки чистоты из белого шелка. Они обещали защиту от зла в зависимости от количества и витиеватости приобретенных кисточек.

Храм Ориенс в Шандабаре, был построен на месте восточных ворот и являлся наименьшим из трех главных храмов святого города. Тем не менее, он мог похвастаться большим кувшином, заполненным длинными, изогнутыми словно когти, обрезками ногтей. Несомненно, это были обрезки ногтей самого Императора, из тех времен, когда он еще не был заточен в золотом троне. Благодаря его бессмертному могуществу и присутствию повсюду в галактике, эти отрезанные ногти по наблюдениям все еще росли, будто были все еще связаны с Ним. Поэтому священники могли отсечь кусочки парных ногтей для продажи верующим, которые могли носить их, или измельчить их в порошок, чтобы употреблять их в зельях.

Также в храме, в огромном серебряном ковчеге, располагались огромные древние кости командира Космических Десантников - а в медной причудливо-украшенной клетке то, что считали частью скелета "демона".

Телеги, которые тащили жирафы с горбами, напоминающими огромные воспаленные фурункулы, со змеиными шеями и мрачными, усатыми, тупыми мордами, со скрипом двигались взад вперед по

проспекту, перевозя туристов и овощи. Автомобили с огромными колесами и редкие бронированные машины полиции и службы безопасности с ревом проезжали по проспекту. Очевидно, что даже храм Ориенса был богат.

МеЛинди носила коричневую робу паломника, с широким капюшоном, скрывавшим ее лицо. Талию обтягивал алый пояс ассасина, со спрятанными в нем клинками, гарротами, флаконами с химикалиями и пальцевым иглострелом.

В ее робе были спрятаны прочие необходимые ей вещи.

А что было скрыто внутри нее?

Ну, конечно же, худшее из всех обличий. Злобная форма, которая теперь связана с нею навечно; которая не позволит ей обращаться в любого по своему желанию. Форма, которую навсегда поселили в ее измененное тело – физически имплантировали в компактном состоянии – закрыв доступ к ложным обличьям и телам, о которых она думала... ну как о своих сестрах, матерях и кузинах.

Поэтому она была полностью одинока. Ее единственное второе обличье было чудовищем; чужой зверь внутри.

МеЛинди, объятая горем, вошла в караван-сарай рядом с храмом. На огромном дворе располагались жирафы, привязанные к стальным кольцам, установленным в плитах. Веревки охватывали их долговязые ноги, передние и задние, чтобы они не лягались. Мухи вились вокруг оранжевого навоза.

Палатки, растянутые по другим кольцам, стояли под сводом купола. Галереи, связанные изогнутыми железными лестницами, образовывали три верхних этажа комнат на нескольких постояльцев, с соединенными балконами

Дым от нескольких костров из сушеного навоза, выходил через открытое отверстие в центре купола.

Несмотря на эти костры, холод ночи вползал в помещение с улицы. Более опытные путешественники, которые опасались утренних пробирающих до дрожи холодов и те, кто предпочитал уединение, арендовали палатку. Бедные родственники заворачивались в матрасы на жестких плитах.

- Ищете комнату? - на общем языке Сабулорба поинтересовался горбатый хозяин, с лицом землистого цвета.

Ассасинов учили свободно разговаривать на основных диалектах Имперского Готика, а также на некоторых диалектах человеческого языка, которые слишком далеко ушли от языка-предка, чтобы обладать сходством с прародителем. Убийцы продолжали непрерывно пополнять свой запас новыми языками. МеЛинди поступила так же, используя гипно-наушники – на грузовом корабле по пути к песчаному миру в системе красного гиганта. Электронные татуировки на ладонях поясняли, что она дочь губернатора планеты, намеревающаяся совершить паломничество.

- Предпочитаю самый низкий этаж, - ответила она, - родом с мира пещер, поверхность необитаема. Подвержена головокружениям и боязни открытого пространства - она еще ниже опустила просторный капюшон, подразумевая, что этот головной убор был ее персональной пещерой. Она заплатила хозяину на неделю вперед шекелями Сабулорба, которые в космопорту поменяла на Имперские кредиты, закодированные в ее татуировках, а также добавила шекель сверху, в качестве небольшого бонуса.

- Под вашим караван-сараяем есть подземные комнаты? - спросила она. Разумный вопрос, учитывая ее

легенду. Она подпустила в голос толику беззащитности и мольбы, хотя тон был твердым – принадлежавшим той, которую баловали и которую слушались – тон предупреждал, что она не из тех, кого можно обижать.

- Есть, в самом деле... хотя там никто не живет, – кажется, ладонь хозяина чесалась.

- Есть даже старый туннель, возможно гостя предпочитает посетить Ориенс пробираясь через липкую паутину, лишь бы не идти под открытым небом.

- О нет, – возразила она, – Я пойду как остальные пилигримы. Но спасибо за ваше любезное предложение.

Она незаметно передала ему еще полшекеля.

На следующее утро МеЛинди предприняла полномасштабную экскурсию по храму Ориенс, настороженно высматривая скрытые признаки заражения генокрадами, такие как любые четырехрукие идола, пусть даже маленькие и запрятанные в самые неприметные ниши.

Ее группу сопровождал сухопарый длинноносый священник. В Зале Святых Ногтей, на трехногих стульях вокруг высокого хрустального кувшина с обрезанными ногтями сидели закутанные в мантии дьяконы, бережно державшие нечто вроде парализующих пистолетов местного производства. Во время того, как гид с восторгом описывал чудо продолжения роста ногтей Императора, МеЛинди притворилась, что хочет сделать пожертвование. Она специально уронила несколько полушекелей на большом участке. Подбирая свои монеты, она остановилась, чтобы бросить взгляд под капюшоны стражей.

Двое из дьяконов обладали острыми зубами и сверкающими завораживающими глазами гибридов, и в тени они вполне могли сойти за людей.

Огонь массивных свечей освещал стены, покрытые рунной мозаикой, которые при этом выглядели будто восковые стены улья. Чаши с дымящимся ладаном наполняли воздух сладостью. Она подумала о пещерах под караван-сараям, о туннели. Под этим более древним храмом должны быть крипты и катакомбы, а также туннели, и кто знал, насколько далеко они протянулись под древним городом.

- Теперь я провожу вас в Зал Бедер, – провозгласил их провожатый.

Ее путешествие к Саболорбу через варп было довольно непродолжительным, но прошло уже несколько лет местного времени, с тех пор как некий шпион Империи покинул (или покинула) планету чтобы сообщить о своих подозрениях. Зараза генокрадов существует на протяжении поколений. Генокрады скрываются и стараются притворяться нормальными людьми, так долго, как это возможно. В идеале нечестивое племя надеется взять под контроль город, через своих наиболее презентабельных членов, а возможно даже планету, сохраняя при этом видимость нормальной жизни. Задолго до такого оборота событий, Империям обязан предпринять самые жесткие меры.

Между тем Тарик Зиз полагал – разумно, или опрометчиво? – что генокрадам было дозволено существовать для проведения их эксперимента. Консультировался ли он с верховным руководителем

Каллидус? Советовался ли верховный руководитель с грандмастером? А с кем мог совещаться грандмастер? С верховным главнокомандующим?

Инструмент Каллидус не должен и думать о таких вопросах. К тому же МеЛинди не понимала иерархию Империиума в ее сложной целостности. Она была всего лишь инструментом. Тем не менее, она знала, что полное уничтожение генокрадов, где бы они не были обнаружены, это первоочередная боевая задача.

- Пожалуйста, идите сюда, праведные паломники.

В катакомбах под храмом на своем троне восседает патриарх генокрадов - первый из чужих, вселившийся в жертву - о нем заботятся его отпрыски гибриды или генокрады в квазичеловеческом обличье. В четвертом поколении каждый из них будет способен зачинать или вынашивать новых чистокровных генокрадов. Была ли эта ступень достигнута? Номинальный предводитель стаи, харизматичный магус в обличье человека, без сомнения стал верховным священником храма Ориенс, в котором внешне все еще почитают Императора Человечества.

Люди, которых заразили генокрады, находятся под гипнозом. Похожие на людей отпрыски связаны со стаей очень тесно, и потому обожают своих чудовищных кузенов и дядьев. Сможет ли МеЛинди, в своем измененном теле, достичь достаточной эмпатии чтобы ввести в заблуждение такую связь стаи?

Она практически не обратила внимания на святые, покрытые рубцами, мощи Десантника, выставленные в ковчеге. В эти мгновения, под ее ногами, возможно, таился свирепый, огромный, покрытый броней патриарх, вынашивающий дьявольские замыслы...

Также внутри нее таился образец его уклонного наследия, как если бы он глубоко поцеловал ее своим источающим семя лопатообразным языком...

Некоторое время спустя, когда она увидела часть скелета предполагаемого "демона" в медной клетке, испещренной оберегами и сыплющей голубыми искрами - потрескивающей от энергии, предотвращающей появление любых демонических проявлений - МеЛинди задалась вопросом, чистокровному ли генокраду принадлежали эти скрученные кости, в насмешку выставленные патриархом в этом святом месте, в то время как истинная реликвия была скрыта в другом месте. Экскурсия длилась два часа, включая в себя посещение чрезмерно изукрашенных залов, саркофагов и малых храмов. Она увидела свидетельства идущего декорирования и ремонта, хотя было очевидно, что на Имперский культ деньги безрассудно не тратят.

Пожертвования и деньги от продажи реликвий, позволят поддерживать нечеловеческое семейство под землей на протяжении долгого времени.

Когда МеЛинди и ее группа, наконец, вернулись к огромному двору, там начиналось литургическое представление.

- Узрите, как благословенный Император одолел демона, которого вы видели внутри - кричал глашатай.

Демоны и чужие были созданиями совершенно разных типов; и генокрады, безусловно, относились ко второй категории, естественного происхождения. Чем меньше известно о демонах Хаоса, тем лучше! Забавно, что глашатай в своем невежестве, поминал нечто запретное лишь для рекламы какого-то чепухового представления...

Золотушный карлик сновал туда-сюда, собирая монеты в череп с отпиленной макушкой и серебряными ручками, до тех пор, пока горка монет не достигла удовлетворительной высоты. Глашатай хлопнул в ладоши.

Изображение огромной, украшенной, хоть и запущенной тронной залы наполнило все вокруг, оно создавалось скрытыми голографическими проекторами. Песчаная почва двора теперь казалась мозаичным мраморным полом. Толпа пышно одетых, лордов и леди смиренно пресмыкались перед алчным, зеленоватым чудовищем с обвисшим брюхом, которое сидело на огромном троне, со спинкой из шипов. Стражи мутанты, носящие нечестивые и богохульные доспехи, хранили бдительность, покачивая болт-пистолетами и силовыми топорами. "Демон" зловеще сиял. Ломаные молнии сверкали меж его жабьих пальцев. МеЛинди охватило извращенное любопытство.

В это мгновение некие подобия Космических Десантников с грубыми луковицеобразными головами ворвались в тронную залу. Они открыли огонь разрывными болтами по охране, которая начала стрелять в ответ. Увлеченные иллюзией, паломники закричали. Быстро, словно случилось столкновение материи и анти-материи, все стражи и все подобия Космодесантников погибли и исчезли. Также пропали лорды и леди, оставляя сцену пустой...

Появилась высокая фигура, окутанная аурой, увенчанная сияющей золотой короной. Маска из проводов и трубок скрывала лицо "Императора". На его вытянутых руках росли ногти, такие же по длине, как и его пальцы. Он с вызовом указал на демонического - или чужацкого - лорда. МеЛинди, словно пригвожденная смотрела на то, как длинные ногти слились в клешни, и дополнительная пара рук вырвалась из грудной клетки "Императора".

Очевидно, что этот спектакль был создан с целью внести сомнения в верования зрителей - и так уже удивленных - чтобы они ассоциировали святого Императора с образом генокрада..., который вскоре разорвет на куски жирного зеленого чужого-демона и взойдет на этот трон.

- Идиот, - прокричал голос. - Это финал, а не прелюдия!

За паломниками, с выпученными глазами, хватающими воздух ртом, высокий человек в пурпурном плаще выговаривал глашатаю, которого он таскал за загривок. Подобно обтекателю вентилятора или тарелке радара, высокий жесткий капюшон чашевидной формы открывал длинное, зловещее, но, тем не менее, привлекательное лицо. Голова была обрита наголо. На бугристом выступе надбровья были вытатуированы бабочки, раскрывшие свои крылья, будто прекрасные мысли, вырывались там из своих коконов.

Это и в самом деле был магус.

МеЛинди скользнула ближе к нему.

- Не заметил нашей ошибки, о великий, - бормотал глашатай. - Был вне голограммы. Извиняюсь. Скоро исправлюсь. Возобновлю представление -

Когда МеЛинди сосредоточила все свое внимание на магусе, тот, кажется, почувствовал ее испытующий взгляд и внимательно уставился на нее в ответ. Его ноздри раздулись, будто у лошади почуявшей дым.

Натянув капюшон еще глубже, чтобы еще больше скрыть в тени свое лицо, она отступила и пошла через иллюзорные стены тронной залы. Она побрела прочь, пересекая песчаный двор, обратно к проспекту и к караван-сараяу. Раздутое солнце тусклого цвета крови опускалось за горизонт.

Да не отвлечет ее горе от того, что сейчас надлежит сделать. Да не предаст она свой храм – даже если ее храм, в какой то мере предал ее. Она инструмент. И теперь инструмент должен изменить форму.

Тем вечером МеЛинди ползла по изгибающемуся, извивающемуся покрытому мхом туннелю, напрягая свой инстинкт хамелеона. Будет лучше, если она станет ближе тем, кого ей нужно скопировать. Превращение пройдет быстрее; а она ни в коей мере не желала его продлевать.

Электрический светильник в ее руке слабо озарял древние, покрытые рунами камни, покрытые пыльной паутиной, в которой висели косточки мелких ящериц.

Наконец она достигла ответвления ведущего к заброшенной крипте, в которой тускло горело одинокое пламя свечи. Впереди, ветвящиеся катакомбы были освещены редкой масляной лампой, и вели к яркому сиянию и стонам далекого хора.

Ее мантия была просторной, чтобы уместить ее изменения, но она сбросила ее совсем. Она не хотела скрывать свою новую форму.

Она вколола полиморфин и тихо спрятала крошечную пустую ампулу в расщелину, где ее никогда никто не найдет. Она оставила пояс ассасина в караван-сараяе. С ладонями, превращенными в клешни, она вряд ли управится с гарротами или кинжалами, она оставила лишь крошечное оружие джокаэро, которое надевалось на кончик пальца. Она надеялась что устройство, которое она наспех смонтировала в своем номере, чтобы вколоть сыворотку и превратить ее обратно в человека, проколет ее защищенное тело. Может ей придется колоться через глаза.

Волна боли прокатилась через нее, и она заблокировала ее.

Она согнулась. Ее тело пылало. Когда она сконцентрировала внимание, проявились ее имплантаты. Вдоль ее спины прорезался гребень. Ее челюсти разверзлись и вытянулись в зубастое рыло. Ее глаза выпучились. Ее руки увеличились, а фаланги пальцев превратились в длинные толстые когти. Ее бедра искривились. Сама ее кожа отвердевала, превращаясь в жесткий панцирь, она знала, что он голубого цвета, как хрящевые связки, с оттенком багрово-красного.

Достаточно скоро, она была абсолютным гибридом генокрада, которого бы никто не увидел нечто большее, скрывающееся под кожей, под панцирем.

Она привела в действие всю свою эмпатию, когда прыжками мчалась по катакомбам... и попала в огромную подземную залу, с колоннами и сводчатым потолком, залитую светом факелов, наполненную членами стаи, многие из которых были чудовищами, а другие могли сойти за людей.

Шипение из множества пастей перекрыло нечеловеческий хор, воспевавший хвалы, или общавшийся с патриархом на рогатом троне.

Похожие на людей стражи наставили на нее свое оружие. Стая, рыча, ринулась к МеЛинди.

Ха, горбатый распорядитель караван-сарая, похоже, думал устроить высокородной паломнице с другой планеты забавный розыгрыш. Он наверняка хорошо знал, куда он ее направляет.

Гибриды, больше похожие на людей, чем она сама, окружили МеЛинди угрожающим кольцом.

На своем троне, патриарх раздувал ноздри и обнажил клыки. Через смертоносное окружение шагнул магус в развевающемся плаще.

- Я..., - прошипела МеЛинди, - ищщу убежищца... у ссвоего рода.

Голос, исходивший из искалеченной гортани с раздвоенным языком был далек от человеческого. Но магус был привычен к таким голосам.

- Откуда ты взялась? - требовательно спросил он, остановив на МеЛинди свой гипнотический взгляд.

- Пряталассь на корабле, - ответила она - Имперцы уничтожили мою ссстаю, вссеххх кроме меня. Молю об убежиищще...

- Как ты нашла нас?

- Кутаяссь в мантию...кралась в ночччи...изучала храмы. Храмы были мессстом где я могла найти моих дальнихх родичей

Магус изучающе вглядывался в МеЛинди.

- Ты гибрид первого поколения... Великолепное тело, почти генокрад... - он вперился в ее глаза, и она почувствовала как... прогибается ее воля; но ее учили противостоять обыкновенным формам гипноза.

Магус тихо засмеялся.

- Конечно, мы не гипнотизируем себе подобных... только человеческое быдло. Наша связь рождена взаимной привязанностью. Особый слух, которым ты не обладаешь, будучи не из нашей стаи, - он повернулся, - Вот сейчас я слышу Повелителя. Идем со мной.

Патриарх сделал знак когтем.

- Ведите ее осторожно, братья и сестры, - сказал стражам магус, широко улыбаясь, но улыбка была кривой.

Итак, МеЛинди приблизилась к чудовищу на троне: злобный, клыкастый, покрытый броней гигант, повелитель чужих. Глаза существа уставились на нее из-под костяных бровей. Одна из его нижних, человеческих рук, украшенная кольцами с сапфирами и топазами, задумчиво била по огромной увенчанной когтями чужацкой руке, лежавшей на колене твари. Одно из копыт постукивало по полу. С резким звуком он терся своим бронированным спинным гребнем, выступающим из кривого позвоночника, о резную спинку трона, будто у него была чесотка. Он высунул лопатообразный язык, пробуя воздух.

МеЛинди поклонилась ниже, чем от нее требовалось, выметая из головы любые мысли ассасина, впитывая и излучая обратно так хорошо, как только могла ауру уродливого, нечестивого обожания.

- Молю об убежищще, величчаайший отец, - прошипела она.

Это был момент истины.

Ноздри патриарха расширялись, втягивая слабые масляные ароматы ее подложного тела. Фиолетовые глаза с прожилками кровеносных сосудов, одновременно отвратительные и притягивающие, тщательно осматривали ее. Этот взгляд ласкал ее, проникал в нее, будто нежное лезвие скальпеля, покрытое пьянящей возбуждающей слизью. Злой дедушка задумчиво щелкнул когтями. Ударом копыта он раскрошил и так уже потрескавшуюся плиту на полу.

Нет, не злой... Так нельзя думать об этом великолепном патриархе!

Эмпатия это путь к перевоплощению.

К узнаванию.

Как МеЛинди хотелось сбежать из этого пристанища монстров и полумонстров! – хотя конечно было уже слишком поздно бежать.

Бежать? Ха! Та же чудовищность была скрыта в ней самой. В таких обстоятельствах побег не имел смысла. Она тоже была монстром.

Следовательно, она должна ощутить патриарха как воплощение ...Благости. Отцовства. Мудрости. Зрелости.

Покрытый броней монстр был сопоставим с воплощением любви для нее. Глубокой и абсолютной любви. Любви, которая абсолютно превосходит страсти и влечения обычных мужчин и женщин, – какими бы глубокими эти чувства не казались их обладателям.

МеЛинди конечно имитировала подобные эмоции в прошлом. Глазом ассасина изучала уязвимые места, похоть, страстную одержимость, нежность, даже если сама не была им подвержена...

Этот патриарх генокрадов излучал такую мощную, оберегающую, всестайную любовь – любовь к своему племени, к самому себе, монстру который не мог не быть истово самовлюбленной и самоосвященной чудовищностью.

О да, любовь, дикая, извращенная любовь.

И абсолютная, животная верность.

И мечта, которая овладела этим чудовищем, подобно демону: нутряное понимание своей цели.

Целью было укоренить свой род. Человеческие существа казалось, исповедовали те же принципы случайно и непредумышленно – хотя результата достигали тысячи раз на тысячах людских миров, многие из которых взрывались будто чирьи, гноем которых были человеческие существа.

Генокрады были вынуждены быть более усердными. Они не могли сплестись в соитии с себе подобными и произвести парочку детенышей.

Генокрады с охотой – нет, с непреодолимой страстью, – внедряются в любой вид. Люди. Орки. Не важно. Эльдар. Попутно они способствуют извращению и крушению этих видов.

В определенном смысле генокрад воплощал собой вселенскую любовь. Любовь, которая не знала видовых границ. Они не проводили различий между мужским и женским полом. Между людьми и полулюдьми, между людьми и чужими.

Потому этот патриарх был воплощенной любовью! Страшной, поработавшей любовью. Почти...

Его цель требовала также безрассудной, самоубийственной ярости при защите своего предназначения.

И в то же время требовался хитроумный ограничитель – интеллект.

Этот разум не знал ничегошеньки о машинах, космических кораблях или болт-пистолетах, о динамо-машинах или ветряных мельницах. Инструменты? Наши соплеменники будут использовать эти вещи за нас. Но этот разум обладал знаниями о физиологии и чувствах, гормональных реакциях, генетическом и гипнотическом контроле.

Слезящиеся фиолетовые гипнотизирующие глаза патриарха на отвратительном багровом лице, оценивали МеЛинди в ее ложном облике гибрида... Видя... существо одной с ним крови?

Или видя ее насквозь? Собирается обрушить свой коготь? Люблю тебя, думала она. Преклоняюсь перед тобой. Абсолютно восхищаюсь тобой. Так же как боготворила Каллидус. Как почитала руководителя дана омега... (Нет! Не его. Не Тарика Зиза!)

Также, как она благоговела перед... Императором на Terre. Этот мудрый, любящий патриарх был ее Императором тут. Великим всеотцом.

Было ли у него личное имя? Было ли оно у кого-либо из генокрадов. Патриарх бессловесно хрюкнул.

Позади нее, магус качался взад-вперед, воспринимая ментальные послания чудовища. Гибрид из другой звездной системы не обязательно должен был воспринимать их.

- Даруем убежище, - пробормотал, наконец, магус. Принимаем тебя в наше жилище и в нашу священную войну.

Патриарх закрыл глаза, будто отпуская МеЛинди. Он сложил свои человеческие руки на вздутом, покрытом панцирем животе, и казалось, погрузился в грезы. Его когти ритмично подергивались. Возможно, он пересчитывал своих детей, внуков и правнуков. К числу которых разумеется МеЛинди не относилась. Так что хотя ее приняли в паству, или по меньшей мере допустили на перефирию паствы, она не была полностью связанной с ней, как остальные в этом подземном оплоте.

И как много их тут было. Чудовищно искаженные члены стаи бок о бок прихорашивались и распевали хвалы. Они шипели друг другу интимности. Они уходили по делам культа. Они наблюдали и охраняли. Они нянчили молодняк клана, некоторые, из которых были отмечены заражением, другие казались почти обычными милovidными детишками, за исключением бугристых бровей и зловещего света в их глазах.

Когда МеЛинди смотрела на ясельную часть, она думала о том, сколько этих смертоносных, зараженных детей ей придется убить, прежде чем она покинет это место.

Если патриарх - с помощью своих чужацких органов изучил ее и решил терпеть ее присутствие, то квазичеловек магус балансировал на грани неверия.

- Беженка с далекой планеты, которую мы рады принимать у себя, - сказал он, - расскажи, как ты так ловко начала говорить на языке Сабулорбиша?

Он дотронулся до одной из бабочек, окрашенной в цвета шафрана и бирюзы на своем бугристом лбу, будто глубоко задумался.

- Скрываясь на корабле, крадучись пробираясь по городу - где ты могла учиться? Мне кажется это поразительным. Знание множества языков галактики. Множество миров; множество наречий и диалектов, хмм?

Магуса вполне убедило ее тело, прошедшее проверку. Как он мог не поверить телу гибрида, которое

видел перед собой. Никак. Тем не менее, он задал вопрос, который она вряд ли могла ожидать от фанатика занимающего место верховного священника какого-то сомнительного провинциального культа посвященного чудесным Императорским обрезкам ногтей.

Вопрос был расчетливым и логичным.

Следовало ли ей изобразить перед кланом генокрадов нечленораздельно мямлющую, неспособную объяснить особь? Бессвязно лопочущую на языке некого другого мира, без всяких объяснений. Мысли МеЛинди неслись галопом.

Она была Каллидус, не так ли?

- Моя мать была Псситиканкой, - прошипела МеЛинди. - Вы слышали о планете Псситикуссс? О ее лингво-мимах?

Никакой планеты Пситтикус, мира попугаев, не существовало. В Империи были миллионы миров, и любой, как бы хорошо он не был осведомлен, мог знать только небольшое их количество. Гораздо лучше назвать вымышленный мир, чем тот, который существовал в реальности, так как в последнем случае, ее вероятно могли раскрыть...

- Ах, - сказал магус, - вы обогатили мои знания. Это был благодатный мир для нашего рода, этот Пситтикус?

- Сссначала да. Потом пришли убийцы, во имя проклятого имени ихх Императора... Безжалосстные Космические Дессантики... исспепелили мою ссемью, в живыххх оссталассь только я.

- Соболезную. Осмотрели ли вы верхнюю часть нашего храма?

- Только ссс расстояния, - солгала МеЛинди.

- Мы используем театральные представления, чтобы вдохновлять суеверных паломников. Мы замещаем образ их Бога-Императора... образом Древнего Четырехрукого.

Магус кивнул в сторону трона, его голос стал шутивым в этот миг. О как магус нежился в лучах всеобъемлющей, отеческой любви... наихудшей из тварей. Как он любил мудрость этого чудовища. Какое извращенное влечение выказывал этот человек. Влечение, которое не превращало его, тем не менее, в полного идиота...

Патриарх задремал. Его когти и пальцы судорожно сжимались, пока он купаясь в восхищении, видел сны... о чем? О спаривании с человеческими существами, приведенными сюда обманом или силой его стаей? О славе и экстазе распространения своего генома, о его включении в истерзанную плоть галактики?

- После того, как мы распространимся и укрепимся здесь, - провозгласил магус, - мы тайно разошлем миссионеров на другие миры, чтобы они организовывали религиозные представления - способствуя распространению культа истинного, четырехрукого повелителя реальности. Мы низвергнем прочие храмы, истребим верующих в агонизирующего бога на Терре - эту сахарную фигурку, тряпичную куклу, запертую в своем золотом шкафу.

Его глаза сияли.

- Какой яркой и полной жизнью живут четырехрукие создания. Они воистину сверхлюди. Какие еще виды на самом деле объединяют разрозненные звездные системы? Какое еще племя физически превращает людей и чужих в родичей. Холят и лелеют мириады миров, чтобы они их кормили в дальнейшем. Даже не истребляя потомство людей и чужих - чтобы они служили питательным молочком в дальнейшем.

- Вы так мудры, - прошипела МеЛинди.

- О да, я лично изучал отчеты и слухи о других мирах, которые мы могли бы сделать своими. Но, дорогая скиталица, ты устала и проголодалась. Я говорил о молочке? Ха. Следуй сюда...

МеЛинди и впрямь была очень голодна. Вскоре она с наслаждением поела кусок, привезенный с другой планеты мяса и нездешние трюфели, и засахаренные фрукты, приобретенные на пожертвованные шекели. Она и члены стаи рвали лакомства клыками. Она насытилась, но не получила никакого удовольствия от приема дорогих блюд.

А горбатый владелец караван-сарая? Он, должно быть, сотрудничает с кланом генокрадов. Или, по меньшей мере, знает об их присутствии, и соблюдает благожелательный нейтралитет. В противном случае сказал бы он злонамеренно одинокой девушке-путешественнице об этом тоннеле?

Если МеЛинди надолго задержится в стае, и горбун заметит ее отсутствие - и решит похозяйничать в ее комнате, найдет ее принадлежности - доложит ли он храмовой страже о своих загадочных находках?

Волнует ли ее то, что она может тут погибнуть? Если ее нечестивую оболочку разорвут на части взбешенные члены клана, будет ли это иметь значение? Могут ли генокрады, уничтожая свое подобие, символически уничтожить то, что запятнало ее, и то, чего не может исправить другая смерть, таким образом, принося ей благословенное облегчение перед долгим пустым сном несуществования?

Да, это имело значение для Каллидус.

И для Него, что на Терре.

Но разве Каллидус... не предал ее?

Как долго она осмелится тут оставаться? Или в противном случае, осмелится ли она уйти?

В задумчивости, МеЛинди чистила клыки когтями. Она легла в ту ночь в пещере залитой светом факелов среди чудовищ и получудовищ, будучи чудовищем.

Она проснулась рано.

Она очнулась от кошмара - и готова была закричать от ужаса. Судорожный спазм охватил ее. Ее передернуло от отвращения... к самой себе.

Ибо она была кошмаром. Она сама. И никто другой.

О, она пробуждалась в измененных телах и ранее. В привлекательных телах. В уродливых телах. Даже в чужацком теле эльдар - потусторонне прекрасном, которое лучилось красотой...

Но она никогда не просыпалась чудовищем.

Ассасина учили всегда быть начеку, и если потребуется атаковать сразу же после пробуждения, мгновенно сбросив сон. Но в краткий миг после пробуждения кошмарная действительность едва не заставила ее атаковать свое измененное тело. Она перекадилась и встала на четвереньки, и мимоходом потянулась... пытаюсь на языке чужого тела - вдруг кто-то наблюдал за ней - выразить свое облегчение от того, что она находится среди племени чудовищ. Ее спазм был всего лишь рефлексом беглеца, который раньше скрывался среди враждебного людского племени. Или не был?

Гибрид с рылом, несущий стражу глазел на нее. Парочка юных отпрысков стаи тоже. Еще один гибрид поднял голову, и бросил взгляд в ее направлении. Это была семья, сверхчувствительная к неестественной, прочной паутине отношений, к связывающим их гормональным узам прочным как рессорная сталь.

Теперь она была мухой в паутине, которой разрешили вести себя как пауку-гостю. Это была паутина, которая должна протянуться отсюда, и из других укрытий генокрадов - таковы были мечты магуса - чтобы захватить всех мыслящих существ в галактике в свои подавляющие, сковывающие объятия.

Как любое разумное существо - приспособленное к выживанию - она начала рыскать, исследуя окрестности. Молодняк и стража неторопливо следовали за ней, пока она, сгорбившись, двигалась, клацая когтями по плитам пола, через крипту и склеп, освещенный горящим в золотых лампах ароматическим маслом, завешенный гобеленами, изображающими пустыни Сабулорба, его песчаные моря. Тут располагалась библиотека, полная фолиантов о мирах, мирах, мирах.

Как должно быть жаждают миров генокрады. Какой слепой, тщетный голод - до тех пор, пока порабощенные виды не дадут, наконец, возможности утолить его. Насколько символичным было то, что за библиотекой располагалась огромная кухня и кладовые, забитые продуктами с иных миров.

Здесь, за решетчатой дверью, располагалась сокровищница. Вдоль ее стен стояли сундуки, доверху наполненные шекелями. За другой решеткой была оружейная, хранившая сокровища иного рода: шокое оружие, огнестрельное оружие, болт-пистолеты, лазерные винтовки.

В родильной палате, рядом с хорошо оборудованной хирургической, на шелковых простынях постеленных на мягчайшие перьевые кровати, лежали несколько беременных женщин на поздних сроках - они походили на людей, чудовищные самки, лежащие бок о бок.

МеЛинди увидела каменные лестницы, ведущие наверх; сводчатые тоннели, уходящие в темноту. Она запомнила план подземелья, совместив его со своими воспоминаниями о храме наверху.

Так, здесь длинный каменный спуск ведет к большой опускной двери, подвешенной на цепях. За ней стоит длинный фиолетовый лимузин, с бронированными зеркальными занавешенными стеклами, решетка радиатора скалится медными зубами, на броневых панелях шипами торчат заклепки. Персональный автомобиль магуса, без сомнений. Возможно ли, что сам патриарх когда-нибудь передвигался на нем невидимый по пыльным улицам Шандабара, плотоядно глядя на... людское стадо, на этот выгул скота?

Закончив осмотр, она грациозной рысью вернулась в главную семейную залу. Все эти туннели и комнаты под храмом были коллектором чужацкого зла - зла, которое было обречено на свою злобность благодаря жестокой, хитроумной, неодолимой шутке природы; зла которое даже носило маску полноценного общества. Также в Шандабаре была и просто канализация. Ранее, МеЛинди испражнилась своим

переваренным ужином, который съела вчера ночью и прежде чем смыть экскременты, когтем ковырнула их, проверяя, изменились ли они вместе с телом, если еда превратилась в навоз, превратилась ли она в навоз генокрада?

Возможно, ее кишки остались неизменными. Тогда ее отходы были ее идентификационным медальоном.

Если так - и принимая во внимания острые чувства генокрадов - хвала канализации. Часть ее оставшаяся Каллидус, сделала мысленную пометку насчет этого аспекта ее задания. Могут ли разоблачить ассасина, который превратился в чужого, из-за абсолютно человеческого стула?

Стая пробудилась. Стая поела - и она тоже - и затем разошлась по служебным делам, хотя тронная комната всегда была полна существами, которые были рады возможности ощутить присутствие своего патриарха.

Это нечестивое преосвященство, продремавшее всю ночь, наконец, пробудилось.

Его слезящиеся после сна фиолетовые глаза немедленно отыскали МеЛинди. Он поманил ее когтем.

Старжи-гибриды были сейчас настороже. Магус поспешил к трону и почтительно встал сбоку, когда МеЛинди приблизилась. Не кланяться, нет. Каким то образом она выпрямилась. Она решила, что ее наклон вперед могут по ошибке принять за атакующую позу.

Магус мысленно общаясь с патриархом, качался туда-сюда.

- Мы мечтали о телах, - сказал он МеЛинди. - Мы поцелуем вкладывали мечту о самих себе в тела человеческих существ, мечту, которая приводила их в восторг. Наш предок мечтал о твоём теле, Новая.

Часть МеЛинди, являющуюся куртизанкой, передернуло от отвращения, от мрачного предчувствия, которое чувствует куртизанка при виде особенно мерзкого и обрюзгшего распутника - миг девственности, перед тем как верх возьмут профессионализм и притворство. Разумеется, генокрад был лишен сексуального влечения как такового. Между ног у генокрада ничего не было, только анальное отверстие, прикрытое прочным щитком.

Она изобразила обожание.

Сны предка высветили узоры на твоём теле, которые сначала он видел нечетко, но теперь сон показал их ему... Тусклые, искаженные изображения паука, змеи, странных насекомых...

Патриарх смог увидеть следы ее татуировок! Они должны были быть поглощены, подавлены красно-фиолетовым пигментом ее разбухших новых мускулов, темно-синим цветом ее карапакса. Конечно, когда она первый раз превратилась перед Тарик Зизом и хирургом в качестве зрителей, татуировки как казалось, исчезли. Ни один человеческий глаз не мог заметить ее зловещих - провокационно нечестивых - татуировок, которые так много говорили о ней, как если бы были бы ее личной геральдикой.

Ни один человеческий глаз.

Гипнотические, пронизанные прожилками вен глаза дедушки зла видели все по-другому.

- Ааа, - вздохнула она. - На Псситикуссе существует множество ядовитых паукофф и сссмей.

Пятнистые тела человеческих лингво-мимов подражают им... Моя человеческая мать запятнала меня таким образом. Небольшие родинки...

Патриарх хрюкнул несколько раз, глотая ее рассказ, будто боров помои. Маг смотрел на нее недоверчиво.

- Изменчивость генетических наследственно приобретенных характеристик, - сказал он, поджав губы, - является гордостью генокрадов. Это, а также дальнейшее распространение нашего собственного физиологического строения. Да, генетическое пиратство - абордаж тела особи чужой расы - это то, что дало нам наше святое имя. Но чтобы человеческое существо передало по наследству свои приобретенные метки в противоположность их приобретению -

Будет проклят этот острый разум и его копания в библиотеке!

- Не понимаю, - прошипела МеЛинди; и она действительно не понимала.

Все это было несущественно.

Абсолютно несущественно.

Из туннеля, откуда она впервые пришла в логово стаи, появился быстро бегущий горбун, желтолицый владелец караван-сарая.

Он держал в руках брошенную робу МеЛинди и устройство, сооруженное в комнате, которое держало шприц с полиморфином. Вокруг его шеи был намотан ее красный пояс.

- Обман! Берегитесь! - кричал он.

Стража вскинула болт-пистолеты, озираясь в поисках врага.

- Хватайте Новую! - выплюнул магус, его слюна попала на МеЛинди. Четверо сильных гибридов бросились, чтобы схватить ее.

На мгновение она застыла, будто в удивлении, проверяя их силу и готовность к драке, но потом - раньше, чем они даже заметили сопротивление - она расслабилась.

Вероятно, она могла бы их раскидать.

Что потом?

Могла ли она спровоцировать залп разрывных болтов, некоторые из которых могли бы попасть в патриарха? Если бы бросилась на него? Болты уничтожат также и ее...

Нет, стая не подвергнет своего патриарха такому необдуманному риску. Они, вне всякого сомнения, не

будут стрелять на такой близкой дистанции.

Когтями и клыками она, гибрид, никогда не сможет убить полностью развитого, зрелого патриарха. Может он раскачивается и дремлет. Тем не менее, он, вероятно, самое смертоносное в рукопашной схватке создание во всей галактике. Чьи когти рвут усиленную боевую броню Космического Десантника, будто лист тонкой жести.

Ей не схватить болтер. Ее когти слишком грубы, чтобы управиться со спусковым крючком.

Пояс оставленный в номере... конструкция для подкожной инъекции... что еще она могла оставить? И ее роба в туннеле... что еще?

Все-таки, она чувствовала, что попала в ловушку, которую расставила самой себе - попала в нее из-за ненависти к самой себе. Или, по крайней мере, из за ненависти к тому, что Тарик Зиз сделал с ней.

Патриарх со зловещим скрежетом сцепил когти. Магус практически подпрыгивал от силы его посланий. Этот завораживающий, умный лидер стаи был сейчас куклой, чья ужасная роль была очевидна - быть чванливым, угодливым рабом старшему предтече. В сущности магус, который хвастался славой генокрадов, не был полностью генокрадом. Он не был чистопородным. Он был великолепно одаренным, влиятельным, но все-таки инструментом патриарха и предназначения генокрадов.

Так же, как была инструментом МеЛинди.

Вот как будет выглядеть извращенная, ласковая тирания в случае победы генокрадов: братство очарованных, покорных, словно стадо особей, которые мычат молитвы своим мясникам.

Кажется, как если бы генокрады, скажем, были специально созданы... чтобы поработить различные расы галактики, подготовить почву, посадить семена, урожай с которых пожнет нечто невообразимое...

МеЛинди выкинула эти размышления из головы, когда тихо заговорил горбун:

- Женщина паломник пришла в мой караван сарай, сказала, что она из мира пещер, вела себя будто замаскированная высокомерная принцесса. Когда я обнаружил, что она ушла, а также этот пояс со многими смертоносными чудесами в ее комнате - некоторые загадочны, другие понятны, например эта гаррота - а также это устройство для инъекций какой-то сыворотки. Обнаружив эту робу в туннеле, о котором сообщил ей, в качестве приманки, чтобы снабдить прекрасным плодородным сосудом нашего повелителя, дабы Его язык поцеловал ее глубоко... Здесь есть Новая. А где эта тайная принцесса пещер, э?

- Брат, - сказал магус, - у нас тоже есть подозрения касательно Новой.

- Ох, неужели? - резко ответил горбун.

- Однако, чтобы женщина паломник превратилась в могучего гибрида... это противоречит анатомии.

- Галактика велика, брат! Воистину она полна странных чудес!

- Мы знаем об этом.

- Порой эти знания слишком академичны. Несмотря на обаяние сияющих глаз, обаятельное спокойствие и прекрасное телосложение!

- Так вот в чем дело, - сказала главная марионетка патриарха, - Ты сам мог стать магусом, но твоя увечность и недостаток определенного изящества помешали этому. Поэтому наш повелитель не выбрал тебя, мой дорогой, любящий брат. Теперь ты пытаешься подкопаться под меня, возможно, с помощью истории об этой женщине.

Возможно ли, размышляла Мелинди, что горбун и магус поссорятся настолько сильно, что ей представится какая то возможность, какая то свобода действий?

Нет. Так как патриарх поднялся, усилив контроль над кланом.

- Принесите то устройство, сделаем пробную инъекцию Новой, - приказал магус.

Он задумался. Так в какую часть тела колоть?

Какую...?

- Новая, не высунешь ли ты язык?

- Горбатый человек собирается отравить эту скиталицу? - Мелинди спросила, будто не понимая, - Вот какое убежище предоставляет ваше святилище? Тем не менее... с готовностью и покорностью я подчиняюсь моему вновь обретенному повелителю.

Как она и надеялась, при приближении горбуна, двое гибридов из четырех державших ее, отошли, освобождая дорогу. Патриарх неотрывно и немгая смотрел на нее. Она позволила себе быть бессильной в хватке двух оставшихся пленителей. Двух. Только двух.

Да, она расслабилась. Несмотря на это, в душе она вернулась в тренировочное колесо, мчалась, ускорялась. Внутри ее маховик копил импульс, готовый извергнуть ее в одной огромной вспышке, в одном немислимом всплеске мощи, который вознесет ее на вершину. Пружина взводилась, туго сжимаясь.

Так же ей должно очень повезти.

Хотя часто удачу даровала благодать; а кто был благодестнее ассасина Каллидус? Она истово молилась Богу-Императору Терры. Никогда ранее она не нуждалась в его благодести так сильно.

Колесо дико вращалось. Пружина сжалась до той точки, где она либо сломается, либо разожмется.

Ей очень повезет... если она достигнет успеха, прежде чем погибнет.

А она точно погибнет.

Песнь самоубийцы пронзала ее душу, симфония показательного самоубийства.

И, конечно же, в такой миг ассасин - презрев себя - может избегать смерти снова и снова, уклоняясь от множества врагов и их оружия, убивая, убивая; так поступали ее собратья из храма Эверсор.

Но она была Каллидус.

И Каллидус предал ее...

Поэтому что-то исчезло из ее песни.

Гнев опять поднялся внутри нее. Абсолютная ярость из-за насилия, которому она подверглась. Она видела перед собой патриарха как чудовищного Тарика Зиза, который был способен небрежно имплантировать эту омерзительную форму внутрь изувеченного человеческого тела. Увы, она никогда не сможет направить свое пылающее возмездие на директора секундус, учитывая ее клятвы и ее верность...

Но она может обрушить всю эту злобу на патриарха.

Теперь колесо раскалилось добела. А пружина могла резать словно бритва.

Горбун удерживал шприц в несущем устройстве напротив ее морды. Резко присев и крутанувшись, сильно махнув руками, она скинула своих стражей. Когтями схватила устройство. В единый миг развернула его. Отбросив горбуна, она бросилась к патриарху, нацелив небольшую иглу в его левый глаз.

Патриарх издал вой - скорее удивленный, нежели вой пронзенной свиньи. Что, поражен иглой, пусть даже в уголок одного из глаз?

Рыча, патриарх отшвырнул МеЛинди. Она перекатилась. Она поднялась и схватила магуса словно щит. Немного бледно-красной крови запеклось в глазу патриарха. Какая то фиолетовая жидкость продолжала течь. Он закинул свою могучую голову и заревел. Это глупое, незаметное ранение было ничем для него. Ничем. Укусом блохи. Теперь он был истинным, неукротимым, хищным генокрадом. Он вытянул вперед когтистые руки.

Но не атаковал сразу. Возможно озадаченность, вызванная ее немощной атакой, заставила его помедлить. Возможно, не чувствуя больше угрозы, он направил свои чувства внутрь, пытаясь понять, какая субстанция проникла в него. Яд? Наверяд ли!

Когда же, милостивый Император, когда же?

Внезапно полиморфин начал работать - на неподготовленном организме, на существе, которое не понимало, что с ним происходит, и у которого едва ли оставалось достаточно времени на понимание.

Тело патриарха пошло рябью, когда карапакс стал размягчаться, будто стаи червей начали ползать под недавно еще твердой как рог шкурой. Голова исказилась и стала покатой. Раненый глаз застыл мраморным шаром. Зубы сплывались воедино - а потом, под вой патриарха, объединившиеся зубы стали мягкими, гибкими словно резина. Когти покрылись зубчатыми наростами. Его нижние, обезьяноподобные руки превратились в болтающиеся клешни. Патриарх разжижался. Никто не мог научить его тому, как удерживать свою форму. Он испражнился. Чудовище - теперь еще более чудовищное - обрушилось обратно на свой трон. И теперь, в одном оставшемся оке, МеЛинди видела как неистово, как отчаянно существо пыталось заставить себя удержать тело от хаоса, который поразил его.

Пыталось заставить. Но безуспешно, ибо не могло ощущать правильной формы собственных внутренних органов... в то время как они увеличивались, сжимались или растягивались. И так как он разрушался, его стая впала в замешательство. Потрясенные его продолжающимся превращением, они были шокированы его бессвязными посланиями.

Органы и конечности патриарха растворялись и изменялись, в то время как его истерзанная воля все еще преодолевалась. Внезапно разверзлась его размякшая грудная клетка. Лиловые и серебристые кишки вывалились наружу, превращаясь в жижу. Обнаженные внутренности истинного повелителя храма Ориенса расплавились в протоплазменное желе.

Своими собственными когтями Меллинди сломала руки мага. Она подняла свое генокрадское колено и сломала магу хребет. Швырнув его в ближайших стражей, она метнулась к горбуну. Схватив его одной рукой, Меллинди понесла его прочь, пояс все еще свисал с его шеи.

Когда она мчалась по туннелю, ведущему к какой-то лестнице, мимо нее просвистели несколько неприцельных болтов и, детонируя о каменные стены, взорвались фонтанами осколков. Позади нее стояла хрипела, воспринимая агонию патриарха. Замешательство, хаос – затем стоя бросилась за ней, желая отмщения.

Она ворвалась в Зал Святых Ногтей и помчалась к огромному дверному проему сквозь густой дым свечей и фимиама. Паломники бросились врассыпную. Она отбросила в сторону дьякона-гибрида, выпотрошив его свободным когтем, в тот же миг злобная стоя генокрадов хлынула в зал позади нее.

Снаружи шло утреннее представление. Она проломилась сквозь иллюзорные стены несуществующей тронной залы в тот миг, когда карикатурные Космические Десантники открыли огонь по зеленым стражам демона. Когда стражи и Десантники погибли и исчезли, вместе с пресмыкающимися лордами и леди, на какой-то миг глазающие паломники и туристы вообразили, будто чудовищная Меллинди и ее сопротивляющаяся ноша были частью спектакля.

Затем пародия на Императора позади нее вошла в зал, указывая своими чудесными ногтями пальцев. Проплаывая сквозь его голографический образ, в тронную комнату ворвались рычащие подобия людей.

Стоя на время потеряла всякую управляемость. Очередь болтов прошла толпу, вырывая куски кровавой плоти. Ибо зрители стояли у них на пути. Гора их трупов, тем не менее, послужила щитом Меллинди. Она скачком преодолела призрачную стену и очутилась на реальном песчаном дворе – и побежала. Позади себя она не слышала более выстрелов; только чудовищные крики. Также и стоя больше не преследовала ее в открытую, под раздутым красным солнцем.

Возможно, возобладал коллективный инстинкт самосохранения. Возможно, стоя истребляла всех свидетелей своего необузданного появления, прежде чем отступить. Или, в бешенстве, стоя могла решить обрушить свою ярость кулаками и острыми когтями на любых подвернувшихся человеческих существ. Без сомнения, из иллюзорных стен не выбрался никто – стен, которые для паникующих могли показаться слишком реальными.

Голоса вокруг Меллинди кричали в суеверном или набожном ужасе о "демоне" вырвавшемся на свободу. Завыли сирены бронированных милицейских машин, но Меллинди была мастером ухода от погони. Промчавшись по одной боковой аллее, затем по другой, она обнаружила канализационный люк и вырвала крышку. Она швырнула горбуна вниз, тот плюхнулся на дно, затем, уцепившись ногами и костяными наростами, она вернула крышку на свое место над своей макушкой. Тяжело проделывать это с когтями вместо пальцев!

В наполовину затопленной вонючей тьме, она вновь схватила горбуна. Меллинди сдавила его.

– Итак, будущий магус, – с присвистом сказала она, – Я помогла тебе, а? Теперь тебе следует дождаться рождения нового чистокровного, которому ты станешь дядей... а затем главным слугой и оракулом. Кто справится с этим лучше?

– А что ты такое? – выдавил из себя горбун, в его голосе страх боролся с любопытством.

– Союзник... Хочешь увидеть чудо?

- Да. Да.

- В моем поясе есть крошечный электрофонарик. Зажги его.

Горбун нащупывал его в течение длительного времени и, наконец, свет озарил узкий туннель канализации, в котором они затаились.

- В поясе есть игла. Направь ее на меня. И я стану безвредной для тебя женщиной паломником.

Горбун кивнул. Он твердо держал иглу. Мелинди зажала кончик языка между клыков. Проткнув поврежденную, мягкую ткань языка острием иглы, она двинула языком вперед, чтобы ввести средство внутрь себя.

Вскоре ее тело пылало. Вскоре ее имплантаты начали уменьшаться и усыхать. Горбун глазел, вытаращив глаза.

Она сплюнула немного крови изо рта. Несмотря на окружающий его смрад, горбун теперь с вожделием уставился на обнаженное покрытое татуировками тело, столь неожиданно появившееся перед ним.

- Безвредней как женщина, - согласился он, облизывая губы. - Легче допрашивать - об этих чудесных жидкостях изменяющих тела. С помощью такого трюка мы сможем с легкостью скрывать наших гибридов.

Он вытянул левую руку, которую держал за спиной. На одном из пальцев было игольное оружие джокаэро. Пока ею владели конвульсивные изменения, пока ее взор был затуманен, горбун стянул миниатюрное оружие из ее пояса и нацепил на палец. Или, может быть, он задолго до этого прибрал крошечное оружие в один из карманов своего одеяния, узнав это устройство и решив приберечь его для себя.

- Меня не одурачить, выдавая это за кольцо, принцесса. Возможно, моего брата можно было обмануть. Но не меня. Ах, как романтично ты сломала ему спину, в смерти сделав его похожим на меня.

Он направил палец с оружием на нее.

- Я полагаю, когда я резко сожму палец, оружие выстрелит?

Да. Вообще говоря. Да. Горбун может выстрелить из этого оружия.

- Подождем здесь, пока уляжется это небольшая шумиха. Потом проникнем в мои замечательные владения, в один подвал. Ты истребила мой клан, ведьма. Легче допрашивать, о да.

Он ошибался. Мелинди снова стала собой, ее больше не обременяли грубые когти и сутулость.

Она вновь была ассасином Каллидус. Что с того, что пространство было ограничено? Она лишь слегка сдвинулась в сторону

Пять минут спустя, когда ботинки прогрохотали по крышке люка наверху, горбун отвлекся и умер быстро и бесшумно - с пробитой глоткой, заблокированной нервной системой и сломанной шейей - даже не дернув своим пальцем.

Мелинди была голодна после превращения. Ей надо было поесть. Она знала только один легкодоступный источник протеина. Владелец караван-сарая, недавно жадно смотрел на нее.

Теперь она ответила на комплимент, пускай даже поневоле.

Ее изголодавшемуся организму тело горбуна показалось сладковатым.

Она закрепила его одеяние за спиной, привязав к одному колену. Она решила, что ей следует проползти около полутора километров, чтобы избежать немедленной встречи с людьми.

Некоторые трубы оказались узкими и полными нечистот. Ей требовалось смещать суставы и задерживать дыхания. Она так и сделала. Она была инструментом. Она была Каллидус.

Закутавшись во влажное одеяние горбуна, обернув его красным поясом, Мелинди спешно шла через город под холодными созвездиями, направляясь к космопорту.

Патриарх и магус были мертвы. Но злобный клан остался. Возможно, городская милиция отреагирует на это и вызовет многочисленные подкрепления. Или возможно гибриды также проникли и в местные силы обороны. Мелинди не собиралась обсуждать эти проблемы, с какими либо милиционерами Шандабара. Она проникла в оплот генокрадов - и была там ночь и утро - и выжила. Благодаря удаче. И ярости. И благодаря дару полиморфина, который она использовала так, как ни один ассасин ранее. Возможно, это станет ярким успехом в карьере Тарика Зиза...

Чужой зверь скрывался внутри нее, и всегда будет: укрощенный, но в свою очередь державший ее в плену.

Как же скорбело ее сердце...

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Чужой_зверь_внутри_/_The_Alien_Beast_Within_\(рассказ\)&oldid=11141](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Чужой_зверь_внутри_/_The_Alien_Beast_Within_(рассказ)&oldid=11141)

Эта страница в последний раз была отредактирована 12 февраля 2020 в 19:38.